

«Книга ... освещает наше
личное движение к истине».
М. Пришвин

СВЕТЛЯЧОК

15.05.2015

№ 5 (50) Май 2015 года

• К 70-летию Победы

Владимир Бегичев

Андреаполь

В том краю, где берёзы кудрявые,
Где родник не спугнёт тишины,
На холме стоит бронзовый памятник
В честь погибших в годы войны.

В память тех, кто весной сорок пятого
Не вернулся с победой домой,
А остался лежать под холодной,
Пропитавшейся кровью землёй.

Семь десятков уже миновало,
Но живёте вы в наших сердцах,
Те солдаты, что жизнь оставляли
На сожжённых войною полях.

И сегодня Российские воины
В караулах почётных стоят
В том краю, где берёзы кудрявые
Над могилами павших солдат.

Наталья Шабанова

Андреаполь

МОЙ ОТЕЦ

Отец мой – Иван,
А мой дед был Василий
Мой прадед – Иван,
А прапрадед – Ульянов...
Под общей фамилией,
очень красивой,
Тот род Борисенковых
гордо вставал.
Отец воевал
И с победой вернулся.
И дед воевал,
Но без вести пропал.
В лихую годину
никто не согнулся,
Хоть враг разъярённый
Под корень копал.
Истерзанный телом,
Душою свободный,
Вернулся в сторонку
Родную отец.
Шептал ему ветер
о жизни привольной,
Он плакал от счастья –

Войне ведь конец!
Потом было тяжело:
И холод и голод,
Готовили лес,
Чтобы строить дома.
И пела душа,
А душою он молод,
И зрело зерно,
Чтобы лечь в закрома.
Был мастером леса
Бессменным и честным,
Медалью «За доблестный труд»
Награждён.
Дружил бескорыстно,
«Мужик интересный», –
сказали бы многие люди о нём.
Охотником слыл,
рыболовом заядлым
И сборщиком ягод,
орехов, грибов.
В любую погоду,
Хоть дождь непроглядный,
Он в лес ускользает,
характер таков!
Любил пропустить
Он с друзьями стаканчик
И песню про то,
Как шумят камыши,
Прилечь ненадолго
На старый диванчик
И тут же всхрапнуть
Широко, от души.
Он прожил достойно,
Всё сделал, как надо:
Не хуже, не лучше
И дом, и семья.
И память о нём
В цвете вешнего сада
И в истине той, что
Воспела земля.
Всё это волною
Накроет, как море,
Широкое море
той жизни моей.
И вспомнится ясно
Гнездовье родное,
Где счастливы были,
Где пел соловей.

Продолжение, начало в номере 2 (47) 2015 г.

Наше время похоже на странный коллаж

Смирнов Юрий Алексеевич

(Любино – Торжок – Маслово)

1995

22.10.

Недели две назад в Торжок приезжал поэт Дементьев – друг, как говорят, жителей Твери и области, большой друг и земляк.

Я с большим удовольствием пошёл в 5-ю школу (почему не в ГДК?!), где была организована встреча с ним, но с ещё большим удовольствием (это я понял позже) остался бы дома. Его стихи не были моими и раньше: хорошо сделанные, выверенные, с точными, редко богатыми, рифмами и прозрачной мелодикой, они не удивляли, а поэтому оставляли равнодушным. Он слушался и слышался только в песнях на его стихи; музыка, как это ни странно, обогащала стих, расширяла диапазон его звучания и значения. Но это был уже не совсем Дементьев. Я хотел услышать что-то новое. Но стихи были старые, знакомые, «заезженные». Птички – галочки, ветки – палочки, да модный – в струю – Иерусалим. Скучно. Тем более стихов-то как раз до смешного мало, к случаю. И это – поэт!

Цель его приезда из Москвы в область не поэтические вечера для земляков – почти $\frac{2}{3}$ выступления он агитировал голосовать за него (поэт изъявил желание баллотироваться – от слова «болото», что ли, созвучно, по крайней мере, – в Думу; странно: Сахарова не слышали, а его услышат?!). Впечатление неприятное, когда художник собирается публично заниматься политикой – явление весьма редкое и часто плачевное, в первую очередь для самого художника. Исключение – разве что великий Гёте. А так: ни Богу Богово, ни кесарю кесарево. К тому ж человек он лукавый: В.В. Миронов вспомнил, как когда-то Дементьев его – земляка – плечом почти вытолкнул из редакции «Юности». В педучилище, где тоже выступал Дементьев, В.В. задал ему вопрос о совмещении политики и поэзии – повторилась, только в более изящном, аристократически утончённом виде, старая история.

А женщины-учителя иступленно взывали к нему: «Почему?!» «Когда же придёт день?…»

Боже мой! К кому: к поэту или к политику взывать? Разве не видно, что у него своя думка. Что это – мундир. Мундир, и больше ничего: поэт давно умер, остался стихотворец. Да и был ли он, поэт?

30.10.

Твой мир внутри тебя. Ничто внешнее не должно тебя касаться.

Твори себя сам, и тогда душа твоя обретёт плоть, и ты оставишь свой след на песке.

Всё это, дружок, хорошо и верно. Но здесь – начало цинизма. А это дорога в никуда. Из любопытства можно пойти и по ней. Но стоит ли овчинка выделки? Жаль времени и сил.

Как избежать цинизма? Ведь не поняв себя – не понять мира. Прислушиваясь к себе, прислушиваешься к миру. Что-то в этих противоречиях очень глубинно и трагически заострено. Но они должны быть разрешены, или, в противном случае, жизнь лишена смысла.

22.12.

Быть понятным и быть понятым – не одно и то же.

1996

22.10.

– Отчего люди не летают!

Сколько страсти, желания жить, сколько надежды и грусти в этой одной фразе героини Островского.

Приходит срок, и человек – умирает. Больно. Но – понятно: никто не виноват: наша жизнь

(продолжение на стр. 3).

(начало на стр. 2).

конечна. Природа всему положила свой предел, чтобы постоянно обновляться, чтобы у всего была осень – закат, и весна – рождение; умирать, чтобы впереди была жизнь, бесконечная жизнь.

Но всё же? – отчего люди не летают! Отчего? И почему, не найдя опоры ни на земле, ни в небе, мы сами спешим положить предел нашему земному существованию, не страшась Божьего Суда за совершаемый грех. А, быть может, жизнь – больший грех, чем наша совесть, раздираемая противоречиями, наша вера, метущаяся в сомнениях, наше обострённое чувство собственной греховности? И с кого тогда спрашивать? Кого винить?

Трагедия Катерины – в ней самой, внутри: она единственное крылатое существо среди бескрылых (гадкий утёнок, обещающий стать прекрасным лебедем, среди серой домашней птицы, для которой свобода, как небо для ужа, – пустое место), единственная мятежная душа. Кто может стать с нею вровень?

Кулигин?! – фантазёр, мечтатель, самоучка-учёный, обличитель, которому ой как далеко до Печорина, чтобы быть опасным «тёмному царству» «неумного племени».

Борис?! – по необходимости (или по случаю) скучающее и, по-своему, жалкое существо: у него есть потребность любить, но вот сил любить – нет. Тихон даже здесь выше него. Варя и Кудряш, люди свободные, лишённые многих предрассудков, внутренне вроде бы сильные? Но ведь их свобода – это свобода большей по размерам клетки. Пройдёт время, и они, пожалуй, как и Кабаниха и Дикой, создадут свой «устав», своё прокрустово ложе.

Никого рядом!

И стоит ли жить, если вокруг вакуум, если нет опоры крыльям? Ведь не случайны эти слова: Отчего люди не летают! – в самом начале драмы. Катерина всё время ищет опоры, но – вакуум, и, ещё задолго до трагического финала, она не единожды срывалась с обрыва, ломая крылья. Борис, Тихон, Варя – все всё понимали, всё видели, но никто не подал руки, не дал опоры. Но можно ли их винить в этом? Вряд ли: их сил и фантазии хватит разве что на то, чтобы «гадкому утёнку» приделать павлиний хвост. Но Катерина слишком горда, чтобы принять эту милую, совершенно невинную для многих, сделку-уловку. Она чувствует в себе не утёнка, а лебедя задолго до того, как это откроется остальным; она чувствует в себе нарастающие силы, свою иную природу, для которой сытный скотный двор с его грязными жирными лужами тесен невыносимо, и Катерина горда ею. Каждая её реплика, каждый жест в сторону Кабановой и ижеи с нею дышат неподдельной внутренней силой, чувством гордого превосходства. И осознание этого чувства, его мощи и есть первый шаг к гибели.

Героиня Островского глубоко религиозный человек (причём её религиозность и её вера – один сплав, что достаточно редко встречается), и её вера постоянно ведёт напряжённую борьбу с её гордостью (не гордыней!): вера зовёт к земному смирению, гордость – к противостоянию. К свободе, в небо. С одной стороны: «... уж коли очень мне здесь опостынет, так не удержат меня никакой силой»; с другой: «Возьми ты с меня какую-нибудь клятву страшную... Успокой ты мою душу, сделай такую милость..!» Но смириться-то Катерина и не может, хотя и страстно этого хочет. В самой страстности смирения – бунт. Ведь смирение – это покой. А покоя нет. И поэтому что для неё ад калиновской жизни в сравнении с адом, который царит в душе! Такие натуры всегда выходят за рамки, и какова бы ни была эпоха, они рвут её границы. Ставить со всей неотвратимой остротой, почти фатально, перед собою вопрос – быть или не быть! – это их внутренняя потребность. Конечно, Шекспир и Островский – совершенно разные художники, да и эпохи их трудно соотносимы: но ведь человек остался человеком! Гамлет ли, Катерина ли, – но ведь душа-то болит, но ведь «нет правды на земле, но правды нет и свыше».

Таким трудно выжить: обрыв, яд, кинжал, пуля – не всё ли равно...

7.12.

Декабрь. А зимы нет. Сплю мало. 18-20 часов работы. Результат – усталость, раздражение и понимание того, что всё это, вся моя работа, никому не нужна. К тому же ещё и не платят, третий месяц без гроша в кармане («стукнешь по карману – не слышать...»). Это ужасно бьёт по самолюбию. Жена содержит здорового, усталого от работы мужа, как какого-то Альфонса. Ещё бы не

(продолжение на стр. 4).

буйствовало самолюбие. Надо по-хорошему уходить из школы, тем более что год от года становится всё неприятно бардачнее. Беда только в том, что я, пожалуй, разучился делать что-либо другое.

Как хочется зимы, морозов, снегирей и снега. Устал не только от бестолковой обыденности, но и от осенней тягомотины, однообразной, пустой, совершенно не пушкинской: дожди и грязь, грязь и дожди. Кстати: действует уничтожающе не только на душу, но и на обувь.

8.12.

«Я в мир удивительный этот пришёл

Отваге и правде учиться...» –

на высокой ноте!

«Единственный друг, дорогой Комсомол,

Ты можешь на нас положиться...» –

Вообще без музыки. «Я» и «Нас» («Мы») – пустышка... Золотой Замятин! Восхитительный Платонов!

21.12.

Вырабатываюсь «до одури». А удовлетворения абсолютно никакого. Вероятно, потому, что «до одури». Всё глупо и пусто: бумаги, их копии, копии копий и новые бумаги. Похоже всё на потуги мнимой роженицы: хотят, а не могут. И постоянно надо доказывать, что ты не верблюд. Зачем и кому это надо? Эффективность минимальна. Поэтому и усталость; и, скорее всего, не от работы, а от этой государственной чертовщины. Бес их, видно, крутит.

Окончательно решил – уйду. Доработаю год и брошу. Хватит с меня перековки реформаторами.

22.12.

Приехал к Даниилу Бондаренко Антон Столет. До Германии я его не знал, сравнить не с чем. Но сейчас выглядит бодро. Темперамент оптимиста; вероятно, врождённый. Поэт. Правда поэзия его несколько искусственна, наиграна, что ли. Версификация какая-то. Сейчас занимается бизнесом, в прошлом – учитель, физики, кажется. О своих поэтических способностях судит трезво (а может быть, и лукавит).

• Непридуманнные истории

ДЯДЯ С ПРИНЦИПОМ

Нормальная рабочая семья, не имея никаких благ и связей, задумала построить новый дом на окраине города. Глава семьи Василий вместе с женой Марией и дочкой Зоей понемногу осваивали стройку. Зоя давно разошлась с мужем, поэтому зять помощником не был. Зоя жила вместе с родителями.

Дом строился на две семьи. Первая половина отводилась семье Василия. Вторая – сыну Василия, который надолго уходил в плаванье. Но когда-то он планировал надолго обосноваться в городе, где жили родители.

Стройка давалась трудно. Василий был уже немолодой, да к тому же больной. Его мучила бронхиальная астма. В один из дней Василий вместе с женой пошел в лес за моршковой. Зоя в это время была на работе. Каково же было их удивление, когда они, придя из леса, не обнаружили на месте несколько брусьев. А потом они убедились, что украл их не кто иной, как сосед Никодим. Они увидели на его стройке отмеченные с торца белой краской брусья.

Зоя предъявила соседу обвинение. Он нагло ответил ей: «Можешь заявлять в милицию!». Никодим почему-то был уверен, что дядя, занимавший пост начальника милиции, займет его сторону.

Зоя не испугалась, а пошла отстаивать правду. Основания для этого у нее были весомые. Лес приобретен по документам. Там указано, сколько брусьев. Дядя, что делает ему честь, не стал отстаивать племянника. Он сказал, что Никодим ответит по всей строгости закона. Пришлось племяннику смириться и искать пути примирения с соседями.

Люди по разному комментировали поступок начальника милиции.

– Один раз простишь племянника, пойдешь у него на поводу, так он, почувствовав безнаказанность, будет и потом пользоваться положением дяди, творить произвол.

– Молодец, Анатолий Дмитриевич! Ему честь мундира дороже всяких родственных связей!

Галина Ермолаева,
Андреаполь

• Гости клуба

Александр Коган

Бежецк

* * *

Еще ищу неряженое слово
В потоках, одолевших свет,
искусств,
Теряюсь в чаще звука
холостого,
Несущего ненужную тоску.

Но на открытом воздухе не
краше,
Повсюду след проходит по стопам,
Потрачена сегодня жгучей фальшью,
Затоптана народная тропа.

Качаюсь в мыслях вверх и вниз упрямо,
Не ратуя о собственной судьбе,
И нет на слово никакой управы,
Когда весь мир волнуется в тебе.

В СНЕЖНОМ ПОТОКЕ

Земля плыла навстречу звездам,
Меняя временно парсек,
Очищенный светился воздух,
Прошедшее скрывал посев.

Сомкнулось белое пространство,
Замедлился бегущий век.
И не желая с ним расстаться,
Купался в счастье человек.

НЕ КАЮСЬ

Я – грех.
Я – порождение греха.
Пустое дело явь упрятать в тайну,
Но как меня за это ни ругай,
Я все равно другим не стану.

Пусть эта боль горит всю жизнь во мне,
Смущаться поздно, возмущаться поздно,
Она не может удалиться вне,
Давно печалью истины опознан.

Ищу себя я около добра,
Сомнения вношу в любую веру,
Не признаю в эмоциях преград
И трачусь в неизвестное не в меру.

За это все себя давно простил,
Вчерашний день расходится куда-то,
И если что-то в жизни не постиг,
Пусть буду виноватым...

* * *

Вновь и вновь возвращаюсь,
Окунаюсь в мечту:
Женщина плачет от счастья,
Я в безумье молчу.

ОСЕННИМ ВЕЧЕРОМ

Гроздьями рябины одинокой
Сумерки окрест освещены,
Свет стекает по лугу полого
До реки, где бакены видны.

Взгляд струится по упругой глади
За далёкий пережат реки,
Где осина скидывает платье
Холодам грядущим вопреки.

А вода уходит и уходит
Времени стремительному вслед.
Я стою на краешке природы,
Медленно растрачивая свет.

ПОСРЕДИНЕ

Между светом и водой,
Между истиной и болью
Утомленный сухостой
Жадно всасывает пойло.

Всхлип летит над тишиной,
Закоулками терзаем,
Брезжит горькое вино
Переменными глазами.

Пляшет жизни камертон
В аномальном чреве лета
Между адом и мечтой,
Между мигом и победой.

ПАМЯТЬ

Если хочешь увидеть меня,
Нарисуй свой счастливый портрет,
Сколько облик ни изменяй,
В нем останется прошлого след.

Тщетен поиск воды и зеркал,
Бесполезно лететь далеко,
Свет меня из вчера извлекал,
Управляемый нежной рукой.

Поровнял он тогда с теперь,
Снова добрый взорвался стон,
Все равно я живу в тебе,
Пусть упавшим кленовым листком.

- На конкурс: «Это было со мной в Андреаполе»

Торт «МАШИНКА»

Веду занятия в библиотеке с любителями-кулинарами, объясняю и показываю, как приготовить торт «Машинка». Всё практически готово за исключением мелочи: машинка пока без колёс.

– Правда, колеса я еще не прикрутила, – бросаю на ходу своим подопечным.

И вдруг вспоминаю, что история повторяет реальные события, произошедшие когда-то со мной.

– Всё как в жизни, – смеюсь вслух и начинаю рассказывать давнюю историю.

Однажды муж мой, Сергей, попросил меня наживить колесо на «Москвиче» нашем стареньком. Тогда я с ним частенько ремонтом увлекалась, до этого случая, конечно. Я, что естественно для женщины, и наживила. Как просили, так и сделала. Но Сергея не подумала предупредить, что гаек не затянула. Самому нужно думать было. Говорят ведь: доверяй, но проверяй.

Так и поехали. Возле второй школы мое колесико прямёхонько и укатило вниз к речке. А болты я собирала аж от ломоносовского моста. Хорошо, что все обошлось без весомого ущерба. Только с того дня ремонт машинки нашей меня уже сильно не интересовал.

Вот бисквитик в форме машинки соорудить – совсем другое дело. Пропитать его молочным сиропом, смазать кремом киви-банановым масляным (сливочное масло плюс сгущенное молоко). Потом посыпать тертым шоколадом и бисквитной крошкой, украсить масляным кремом. А колеса сделать из круглого печенья. Даже если их лишь наживить, аварией это точно угрожать не будет.

Лариса Могильницкая,
Андреаполь

- Миниатюры

ЧЕЛОВЕК

Лето. Солнечный теплый денёк. Я иду по улице города. Пешеходы редки. Впереди вышагивает мальчик, ему лет семь или восемь. Мальчик красиво одет, по-современному: кроссовки, бейсболка, за плечами рюкзак. На голове наушники. Он идёт, и весь сосредоточен в себе, очевидно, слушает музыку.

И всё бы ничего, да вот периодически, то через правое, то через левое плечо так артистично сплёвывает. Поравнялась с мальчиком, некоторое время шла рядом, он меня не замечал. Тронула его за плечо и спрашиваю: «Мальчик, кто тебя научил так плевать, знаешь, это не красиво». Мальчик смерил меня взглядом с ног до головы, плюнул через плечо и зашагал дальше, даже не считая нужным что-то ответить.

Мне стало неловко.

Светлана Копырюлина,
Смоленск

- Нам пишут

Прочёл "Затейливы строчки". Замечательно. И темы очень интересные. Оригинальный сборник получился. Поздравляю!

Владимир Озерянский,
Осташков

Рита, сборнички получила, передам по адресу при случае. Красивые, без ошибок и много классных стихов. Ты, Столяров, Юринов, Бобунов - молодцы, но прочтала я пока только четверть сборника, а дальше, наверняка, еще много "вкусенького".

Татьяна Казакова,
Нелидово

• Весенние мелодии
МАЙСКОЕ

Обрушивая шумные дожди,
вбегает май с охапками сирени.
И воздух свеж. И пепельно-серебрян
отлив летучих облачных ложбин.
И в плеске листьев оживает миф:
неспешные расстроив хороводы,
шалун лукавый – фавн бурнобородый
на пару с ветром догоняют нимф.
Над соснячком салатovým огнём
воскурены берёзовые свечи,
и, упиваясь бесконечным днём,
кукушка накуковывает вечность...

**Владимир Юринов,
Андреаполь**

* * *

Раззадорит капель золотая
И, когда прилетит первый дрозд,
В славный месяц апрель я растаю,
Надоевший уже дед Мороз.
Ручейкам, подающим надежды,
серебро без остатка раздам –
всё, что было накоплено прежде.
Пусть звенят, подпевают дроздам,
что вот-вот язычки изумрудных
огоньков по ветвям побегут.
Дед Морозы способны на чудо
не в сезон – им и это не в труд!

**Пётр Бобунов,
Нелидово**

* * *

Вино весны развяжет языки.
Щебечут бабушки-синички на скамейках.
Твердит юнец, хмелён мечтой эпикурейской:
«Пока мы существуем – нет тоски.

И смерти нет. Когда она придёт,
На этом свете, к счастью, нас уже не будет».
Его, пугаясь и крестясь, обходят люди,
Страшась попасть некстати в переплёт.

Вино весны не повод для сует.
В эпикурейство на скамейках не вникают,
Там о своём: что за погода будет в мае,
И скоро ль нынче выйдет первоцвет.

Старушкам греет ветхие бока
Ничем не озабоченное солнце,
Их речь прядётся тонким волоконцем.
Звон колокольный взмыл под облака.

**Маргарита Петрова,
Андреаполь**

* * *

Наконец, дождалась я весну-
Отключила режим «подождём»,
Не одна я сегодня усну,
Мы с тобою уснём вдвоём.

Это лето стало другим:
Отворилась закрытая дверь,
Мы с тобою сегодня не спим,
Потому что нас трое теперь.

**Юлия Алексеева,
Андреаполь**

* * *

Нет, не писанный красавец –
Мужичок совсем седой.
Только синий взгляд на зависть,
Не по летам молодой.

Чуть насмешливый и умный,
Дружелюбный и прямой.
В нем и солнечный и лунный
Свет струится озорной.

Этот свет проник мне в сердце,
Полыхнул в душе огнем.
Словно в сердце к тайной дверце
Оказался он ключом.

Оказалось, что осталось
В сердце место для любви.
Ах, какая только жалость –
Повстречались поздно мы.

**Людмила Леоненкова,
Белый**

ВЕСЕННЕЕ

Звонкой капелью звенит тишина,
Гомоном птичьей трели.
Как-то по-детски вернулась весна
В яркой цветной карусели.
Шелестом тонких, прозрачных берёз,
Ив жемчугами и светом,
Россыпью милых глазастых берёз
И солнцеликим рассветом.
Небом, струящим лазуревый свет
Ввысь, без конца и без края.
Мудрости вдруг приоткрылся секрет-
Наша планета живая!

**Наталья Шабанова,
Андреаполь**

• С музейных полок

Эти пожелтевшие хрупкие листочки с отпечатанным на машинке текстом передал на время директор Андреапольского краеведческого музея В. В. Линкевич. На них черновик незавершённого рассказа, написанного основателем нашего музея Эдуардом Эдуардовичем Шимкевичем. Об этом интересном и разносторонне одарённом человеке андреапольцы знают много, но то, что он пробовал себя и в литературе, раньше известно не было. Писал Эдуард Эдуардович о том, что болело в душе многие годы. Герой его рассказа по вражеским тылам пробирается из окружения к своим.

Зная факты биографии Шимкевича, можно понять, что прототипом героя был он сам. Это он в течение трёх студёных месяцев 1942 года (октябрь – декабрь) выходил из-под Вязьмы, когда была разбита 126-я стрелковая дивизия, в которой он служил.

Автору удалось передать напряжение героя, когда каждый шорох, каждый звук – сигнал опасности. Впрочем, читайте сами. Жаль, что рассказ не завершён и обрывается на самом интересном месте. Хотя, как знать, может быть, в архивах Шимкевича ещё отыщется продолжение.

Поскольку рукопись сохранилась в виде черновых набросков, окончательная обработка проведена мною с максимальным соответствием оригиналу.

М. Петрова,
филолог, член Союза Журналистов России,
член Тверского Содружества писателей.

ПУТНИК

Направление лесной дороги то и дело терялось. Уже много дней, как никто не ездил и не ходил по ней. На лесных лужайках след терялся совершенно, и только когда путник входил в лес, дорога и санный след на ней становились различимыми. Здесь не так дуло. Снег уже по-зимнему был глубок. И если нога не попадала в колею, человек проваливался выше колен. Он – это было видно по всему – устал. Участки дороги «вопросов» были часты, сделав несколько шагов, он, провалившись снова, не сделал нового усилия продвинуться ещё на шаг вперёд, а тут же сел прямо в снег.

Возраст его не поддавался точному определению. Лицо путника было обрамлено не густой, но длинной русой бородою. На худом лице красовался довольно крупный нос, выступавший вперёд из овала лица, отчего оно имела птичье выражение. Но это не лишало его обычной человеческой выразительности и даже приятности. Путник огляделся.

По бокам дороги стоял рослый хвойный лес без подлеска. Солнечные блики редко достигали основания деревьев, их больше было вверху, где деревья раскидывали свою крону, освобождённую ветром от снега. Покрытая инеем серебристая на фоне голубого неба хвоя елей вспыхивала золотом там, где среди неё пробивала себе дорогу к небу сосна. Каждая её веточка чётко выделялась из общей массы зелёного шатра своим ярким жёлтым цветом. Цвет этот в сочетании с цветом неба и тёмной зелени елей создавал то праздничное настроение, которое не в силах был уничтожить даже двадцатиградусный мороз.

Внизу, хотя и были редки солнечные световые пятна, было светло. Кругом, насколько мог видеть глаз, стояли, как свечи, стволы могучих деревьев без сучьев. То был заповедник, созданный в верхнем течении рек Волги и Западной Двины на стыке Андреапольского, Западновинского и Нелидовского районов в 1935 году.

Наш путник два часа назад миновал Фёдоровское – главную усадьбу заповедника, но не завернул в неё. Причин к тому было две: в усадьбе, что стояла справа от дороги и была видна простым глазом, всю топилась печи, что было подозрительно. Обе трубы обширной пятистенки дымили чёрным, как будто в печи жгли резину, и он прошёл мимо. Но подгоняло и другое – он торопился, ведь был канун Нового года! До деревни Горка, конечной цели движения этого дня, было ещё не меньше двадцати километров. Ему очень хотелось добраться до неё и провести новогоднюю ночь под крышей и в тепле.

(продолжение на стр. 9).

(начало на стр. 8).

Хотя в природе и чувствовалась праздничность, но сидеть на снегу было холодно, под сидящим подтаивал снег. Стали стынуть плечи. Он встал. После получасовой ходьбы он разогрелся и снова пошёл размеренно, как и шёл уже с раннего утра.

Лес расступился, и дорога вывела на лесную поляну-косогор, освещённую солнцем. Путник снял шапку, отряхнул её от инея и, зажав головной убор между колен, стал снимать с себя нечто похожее на плащ. Это и был плащ, но настолько выцветший, что определить его первоначальный цвет не представлялось возможным. По хлястику можно было догадаться, что покроем плаща – армейский. Полы выносились, их обрамляла бахрома порванной снизу доверху ткани. Плащ лёг на снег, на него человек положил шапку, стал снимать поддёвку женского покроя. Она тоже была не нова, но имела ватную подкладку. Путник намерен был разоблачиться далее. После заношенной, когда-то белой мужской рубашки он начал снимать солдатскую гимнастёрку, а затем и нижнюю рубашку. Она, от рождения не знавшая, что такое стирка, потеряла свой природный цвет. Заношенная, пропитанная потом и грязью, рубашка была быстро вывернута наизнанку, и начался тот процесс, который можно наблюдать только в годы величайших бедствий.

Обнажённое до пояса тело выдавало возраст путника, явно не достигшего тридцати лет. Но так же, как и вся одежда, тело было грязным, не видевшим воды и мыла несколько недель, если не месяцев. Держа рубашку в левой руке, правой он что-то выбирал из неё и тут же бросал на снег. Обнажённое тело мерзло. Наш путник вынул из кучи тряпья поддёвку и, накинув её на себя, продолжал начатую работу ещё минут двадцать. Наконец он стряхнул рубашку и, вывернув, быстро надел её на себя, затем облачился и в остальное. Настал черёд брюкам. Тут не будем вдаваться в подробности, скажем только, что валенки, а, следовательно, и брюки, он не снимал. Дополнительная операция заняла ещё минут десять.

Когда всё было окончено, он тронулся дальше. Сделав пару шагов, путник повернулся: на том месте, где он только что стоял, темнело обширное пятно и, как ему показалось, оно шевелилось.

Он испугал сидящую над дорогой большую птицу, которая, перелетев недалеко, опять села и заухала. Путник не боялся ничего, кроме людей в грязно-зелёных шинелях. Но их последний раз видел два дня назад, и здесь, в лесной глухомани, в эту морозную новогоднюю ночь он точно знал – встречи не произойдёт. Но когда заухал филин – человек вздрогнул и обычная, видимо, общечеловеческая реакция на неожиданность и темноту, именуемая «мурашки по спине», на некоторое время овладела им. На ум пришли мысли о волках, но он её тут же отогнал. В прифронтной полосе волков не могло быть, а сама мысль была просто продолжением реакции испуга. Но скоро он успокоился, и его мысли приняли обычное направление.

...Сейчас, это уже недалеко, должна быть деревня Большая Квашня... любопытное название... а там и Малая Квашня, Шинкарёво, Лахово и Горка. Там надо подумать о ночлеге. Времени, должно быть, сейчас не больше восьми часов. Два часа понадобится, чтобы добраться до Горки. Будет около десяти, и вряд ли в сегодняшний вечер люди рано улягутся спать, поднимать с постели не придётся. Правда, может оказаться, что будешь нежеланным гостем, – так думал он, продолжая путь.

Наконец лесной тоннель окончился, и наш путник снова увидел над головой бездонный звёздный ультрамарин, а перед собой скорее почувствовал, чем увидел безлесное пространство. Он знал – то было квашнинское поле. До деревни осталось недалеко. В ней было не больше восьми дворов, он знал по памяти. Близость деревни угадывалась по единственному огоньку, мерцавшему в окне хаты. Из этого путник сделал предположение: в деревне немцев нет.

Преодолев путь до деревни за каких-нибудь двадцать минут, он оказался на торной дороге, проходившей вдоль деревни. Деревушка была невелика, дворов двенадцать, расположенных вдоль дороги. Все фасады глядели в одну сторону – на юг. Он поравнялся с хатой, в которой горел огонь. Прислушался. Поборов сильное желание зайти на огонёк, он двинулся дальше. Испытывая муки голода, продолжал двигаться дальше. Заметил, что замаскированный свет горел и в других домах. Его появление в деревне так и осталось бы незамеченным, если бы не собака, залаявшая в одном из дворов так сильно, что всполошились хозяева: во дворе заскрипела дверь. Но путник был уже на краю деревни и точно по опыту знал, что преследования не состоится.

(продолжение на стр. 10).

(начало на стр. 8-9).

Он шагал дальше. Не в пример дороге от Фёдоровского, здесь она была ели не уезжена, то довольно хорошо утоптана, и, хотя ночь по-прежнему была темна, путник шёл не отступаясь, уверенно и довольно быстро.

Вот вдали замелькали два огонька, это, должно быть, деревня Малая Квашня, – размышлял путник. Предположения подтвердились. Он узнал дом, в котором бывал. В нём жила учительница Лидия Михайловна Гацко. Дом был приметен мезонином, окно которого располагалось под коньком крыши. Появление нового человека и здесь было замечено собаками. Они, передавая лай, как эстафету, заливались во дворах. В одной из хат погас свет. Он знал, что чья-то рука отодвинула в потёмках занавеску, кто-то невидимый, прижавшись лбом к холодному оконному стеклу, сквозь морозные узоры пытается разглядеть идущего по улице.

Путник, не останавливаясь, двигался дальше. Дорога к Шинкареву оказалась ещё лучше. Она была не только утоптана, но и езжена, укатана санями. И когда он, преодолев ещё три километра, оказался в Шинкарёве, счел себя близким к цели. Деревня располагалась на косогоре, спускавшемся к реке Жукопе. Он обратил внимание на то, что в доме мельника все окна были освещены, свет горел ещё в трёх хатах. Путник решил, что празднуют Новый 1942-ой год, а потому бояться ему нечего. Может быть, что-нибудь другое осложнит ему жизнь, но немцев в деревне не должно быть.

Вот и дом, где Ян, Костя Усов и Иван Иваныч жили втроём в 1937- 1938 учебном году. Во второй половине занимался один из начальных классов Жукопской семилетней школы, где директором был Александр Петрович Веселов. И тут же он вспомнил, как в двадцатых числах октября здесь, в Жукопе, произошла незабываемая встреча. Но об этом после.

На снимке: Эдуард Шимкевич
в молодые годы.

• Из сборника «Нечто»

Мария Черкасова

Андреаполь

СОЛНЦЕ

Светит солнышко

Над лугами,

Над лесами

И над полями,

Над хорошими

И плохими,

Над усопшими

И живыми,

Над великими

И простыми,

Над преступниками

И святыми.

Как Господь оно –

Всех жалеет...

И любовью своею

Греет.

ЛЕТНИЕ НОЧИ

Ночи летние многозвёздные,

нежно-тихие

и кузнечиково-стрекозные,

Сказочно-фантастичные

И мечтательно-романтичные.

Радость сердца вы и покой души –

Ночи летние...

Как вы хороши!

* * *

Двери в мою душу

Для любви закрыты,

И замок повешен,

И ставни забиты.

Не пробьётся даже

Лучика надежды.

Без любви жить буду

Дальше, как и прежде.

* * *

Коли не было свиданья –

Не грозит и расставанье.

Нет и разочарованья.

Это счастье – расстояние!

МОЙ ПЕГАСИК

Трудно на Парнас взобраться,

Ещё трудней там удержаться.

Проза жизни тянет вниз.

Прошу тебя, Пегас, держись!

Кружат голову высоты,

Отбивая от работы,

Нескончаемой – земной,

Златокрылый коник мой.

• Весной – о дамах

Михаил Никоноров

Андреаполь

ЧЕТЫРЕ ЛИРИЧЕСКИХ

ЭТЮДА

В ЧЕСТЬ ОКСАНЫ Л.

- 1 -

Ты – такая далёкая –
случайно – невдалеке:
будто в маленькой лодке
мимо плывёшь по реке.

Или слегка перегрет я –
тем, что ты почти рядом?

Ветер качает деревья,
полнеба пылает закатом.

- 2 -

Ты звёздною рекою мимо текла
в тихий вечерний час,
девочка с кусочками стекла
в калейдоскопе глаз.

- 3 -

Сплетенье ветвей и мыслей
довольно печальных и странных.
Но шорох осенних листьев
напомнит мне имя «Оксана».

- 4 -

Вот и бушует последняя осень.
Листья отчаянно стёкла окон теребят.
Нежно печально любимая «Окси...»
Я никогда не забуду тебя!

ДАМЫ И Я

Я подваливал к ней не спеша,
Но, казалось, не ошибся адресом.
У ней богатая содержанием душа
И эти... как у Памелы Андерсон.

Потом, конечно, пообвык, пообмяк.
Но подчас ещё глядел ошарашенно.
Вероятно, так смотрит сексуальный маньяк
На юбочку Маши Шараповой.

В итоге, конечно, даже я устал
От созерцания слишком яркого чуда.
И я от неё быстро-быстро бежал,
Так некогда бегала Кондратьева Люда.

ЭТЮД О СТРАННОСТЯХ ЛЮБВИ

В пылу вакхической отваги
(напившись леденцовой браги)
Светлана С., я вас люблю.

Порыв иссяк – и я за водкой
Шагаю в степь своей походкой.
Светлана С., я вас люблю.

Пересекают степь овраги.
Вот речка. В ней зимуют раки.
Светлана С., я вас люблю.

Иду босой и звёзды вижу.
Мой день всё дальше, ночь всё ближе.
Светлана С., я вас люблю.

Стихи пишу я на бумаге.
За водкой очередь в сельмаге.
Светлана С., я вас люблю.

Загадка жизни разрешима.
Пришла. Пройдёт. Проходит мимо.
Светлана С., я вас люблю.

ВОСПОМИНАНИЕ О ПИОНЕРСКОМ ЛАГЕРЕ

Как много крупных облаков –
а месяц мал.

Здесь жило много чудаков –
и я бывал.

«Салют!» – и ты мне стал родным
на много лет.

Каким же был я молодым!

Туманный след –

на памяти, как на воде.

Блестит песок.

И подмигнуть тогда звезде

Ещё я мог.

Прошли года. Сменилась власть
и жизни путь.

И ту, что Алькою звалась,
мне не вернуть.

* * *

Или мы мозгами слабы,
Иль такая наша жизнь,
Но не разберёшься в бабах,
Сколько с ними ни возись.

• Философы с завалинки

(начало в №4 (49))

Не падать в грязь лицом

А вот кому будет лихо, так это олигархам. Спрашивается, зачем им миллиарды? Бери в магазине что угодно. Но не подумайте, что получили карточки и, слава Богу, всё бесплатно. Не надо забывать о том, что люди будут работать, просто деньги не будут получать, а пользоваться карточками. Прогулов ни у кого не должно быть. Три раза прогулял – карточку на стол и иди на помойку. Так что лучше восемь часов отработать, а потом – гуляй. Каждый над этим подумает. Конечно, найдутся и такие, которые восемь часов будут пить, спать и т. д. Но они долго не наживут, быстро уйдут в мир иной.

Дальше нужно заморозить строительство крупных городов, страшного ничего не будет. Всю строительную технику перекинуть на село, и так по всей России. Будем строить новые посёлки. Но строить надо так, чтобы деревня сравнялась с городом. А именно: первоклассные квартиры со всеми удобствами, школы, Дома культуры, Дворцы спорта с плавательными бассейнами, коровники по последнему слову техники, зверосовхозы, свинофермы, маленькие фабрики по переработке сельхозпродукции. Вот только таким путём люди будут заселять сельскую местность. А людей молодых, желающих жить на селе, очень много. Женщины, мечтающие о большой семье, будут рожать детей, сколько запланируют. И не будут ждать подачи от президента, в магазинах возьмут всё, что потребуется для ребятишек. И нигде не будет тупиков из-за денег. Вот когда народ вздохнёт свободно.

Не надо будет ни за что платить. Ключи от квартир можно смело выбрасывать с мостов в воду, двери всегда будут открыты. Люди будут ходить в гости друг к другу. На лицах наконец-то появятся улыбки счастья. И не надо бояться, что без денег пропадём. Что значит деньги? Деньги просто посредник. И ещё хуже: деньги – это дьявольская уловка. Зачем их жалеть?! Сколько люди существовали с деньгами, столько горя они им приносили. Не будет денег – кончится людской плач. Деньги будут лежать в банках и использоваться для внешней торговли. Скопится огромная масса денег, вот и покупайте для страны за границей что угодно – от медицинского оборудования до другой высококачественной аппаратуры. Как можно быстрее надо избавиться от долларов. Товары будем возить из стран ближнего зарубежья. Привезли они нам оттуда товар – получите деньги в банке и домой, засиживаться у нас нечего. Вот таким образом кончатся рыночные короли.

Возникает вопрос: стоит ли ворошить устоявшуюся систему? Думаю, что стоит. Ведь человеку много не надо. Нужна крыша над головой, нужно одеться и хорошо поесть. Рискнуть есть ради чего. Вот такую систему надо представить Думе, где всё расставлено по своим местам.

И вот, наконец, сельское хозяйство стало выпускать экологически чистую продукцию, которая постепенно вытеснит импортную. Тогда оглянемся назад – а ведь нефть и газ качаем зря, нам доллары больше не нужны, своего в избытке. Ходить по миру с протянутой рукой не надо. Нам своё девать некуда. Мы заменили синтетику шерстяными, льняными, меховыми, пуховыми одеждами. Ходим во всём натуральном.

И голод нам больше не страшен. Страна большая и территории огромны. Если в одном месте неурожай, вырастет в другом. Сельское хозяйство заработало во всю мощь.

Теперь все строители могут вернуться на свои места и начать перестройку городов. Покончат, наконец, с лачугами, заменят их удобными просторными квартирами. Вокруг городов необходимо строить парники, чтобы круглый год на столах была зелень. Нужно строить заводы для переработки мусора, надо приводить в порядок родники, ручьи, реки, озёра. Приводить в порядок леса.

Нужно будет научиться, как это делают цветы, закрываться на ночь, чтобы сберечь дневное тепло и уют. Например, построим над собой панцири и будем накрываться, как черепахи от всяких катаклизмов. Наши инженеры умеют мыслить, только дай идею. Возможно, человечеству придётся строить второй этаж, но не кверху, а вниз, под землёй. Возводить города на колоннах с искусственными солнцами. Вам это покажется смешным, а зря. Нужно и от катаклизмов предусмотреть защиту.

(продолжение на стр. 13).

И вот страна набрала темпы только в положительную сторону, и не нужны нам никакие бюджеты, не надо думать, как встречать завтрашний день. Мы хорошо поработали, надо хорошо отдохнуть. На то людям будут даны отпуска. Выбирай любую точку земного шара и отправляйся отдыхать. Невзирая на профессии. Права у всех равные. Кто-то захочет отдыхать в родных местах, берёшь машину в общественном гараже – и отправляйся в путешествие. Сорок дней достаточно для восстановления, чтобы после отдыха продолжить продуктивно трудиться.

Останутся любители дач – пожалуйста, отдыхай на даче! Будут созданы специальные бригады, вам и домики поставят на даче. Никто больше не будет завидовать друг другу: вот у меня какой дворец, а у тебя малая хибарка. Алчность исчезнет.

Пройдёт немного времени, и страна выйдет на первое место в мире по всем показателям. Тогда мы достанем золотые слитки и будем покрывать купола храмов. Засияют золотые купола над всей Россией. Люди перестанут грешить, а это самое главное. Увидит Богородица, покровительница России, что наконец-то живём праведно.

Соседние страны будут удивлены нашим успехам, как Россия без денег сумела подняться на такие вершины. Им так же захочется жить. И, наконец, весь земной шар перестроится, а значит, на земле больше войн не будет. Мы будем беречь свой шарик, колыбель человечества.

Вот после этого можно строить космические корабли, которые будут развивать скорость не только тридцать километров в секунду, а тридцать тысяч километров в секунду. Тогда можно будет бороздить просторы галактики. Вот и осуществится мечта Циолковского: человечество когда-то станет расселяться по всему Млечному пути.

Остаётся государственной Думе написать новую Конституцию, отработать каждому из них честно все восемь часов в сутки. И чтобы новая Конституция служила людям на вечные времена.

**Юрий Мотря,
Андреаполь.**

От редактора: К какому жанру отнести текст, предложенный читателю выше, и как вообще относиться ко всему в нём изложенному? Мою точку зрения отражает рубрика – «Философы с завалинки», под которой он стоит. Вот именно как к философии с завалинки к нему и следует отнести. Не принимать же его, в самом деле, как научно-экономический или социально-политический трактат. Думается, что и автор подсознательно чувствует некоторую фельетонность ситуации, иначе зачем бы стал ссылаться на Петросяна и Задорнова.

А вот если взглянуть на написанное как на текст художественно-самодельный, где автор одновременно является и героем, тогда и прочтение будет иным. Мне лично сразу вспомнились шукишинские герои – наивные, но милые и очень своеобразные, его «деревенские чудики», как принято их называть. Таких в урбанистическом пространстве больших городов вряд ли встретишь. К примеру: «если ты вчера съел буханку хлеба, завтра ты никак не съешь две», – абсолютно уверен автор, забывая, что в сегодняшнее меркантильное время в ходу совсем другое выражение: «не съем, так понаядкусываю».

Автор (читай – герой) представляет собой типаж, ещё недавно столь характерный для провинциальной глубинки, для которого совершенно нормально ставить на первый план не наполнение собственного кармана или желудка, а заботу о судьбах России – ни больше, ни меньше.

• Мысли по поводу

ЧЕЛОВЕК ХАЛЯВНЫЙ

Некто, чтобы показать и доказать, как легко можно манипулировать не только одним человеком, но множеством людей сразу, стал бросать в толпу, собравшуюся в новогоднюю ночь на одной из площадей Шанхая (Китай), множество долларовых купюр различного достоинства. Люди наперебой кинулись ловить и подбирать валюту. Толпа затоптала насмерть 36 человек, более 50 человек были доставлены в больницы с травмами различной степени тяжести. Деньги оказались фальшивыми. Что трезво мыслящему человеку было бы ясно с самого начала: только сумасшедший станет выбрасывать состояние в буквальном смысле на ветер, а недееспособных, как известно, к распоряжению имуществом и деньгами не допускают.

Но в том то и дело, что стоит только поманить дармовщиной любого толка, даже только пообещать не показывая, как вирус пожизны мгновенно лишает подавляющее большинство людей способности к рациональному мышлению. Homo sapiens превращается в homo haluavus, и делай с ним, что хочешь. Вот этой особенностью и пользуются мошенники и недобросовестные политики во всём мире.

Александр Мальчуков, Андреаполь

(начало в №3 (24)-12(33); 1 (34)-12 (45); 1(46)-4(49).

Владимир Юринов

На картах не значится

Оглядываясь на эпоху: записки лейтенанта

А на самом деле за время нашего отсутствия в гарнизоне произошло следующее.

У старшего лейтенанта Е. был закадычный друг – старший лейтенант Д. Дружили они ещё с училища. И там же, в училище, на третьем курсе, два друга познакомились с двумя близкими подругами – Олей и Мариной. Долго ли коротко, но в конце концов дружба на этих подругах женились: Е. женился на Оле, а Д. взял в жёны Марину. По окончании училища обе молодые семьи приехали в Орловку. Надо ли говорить, что и в нашем забытом богом гарнизоне они продолжали дружить семьями и активно общаться между собой.

Благополучно минуло два года. И вот на одной из офицерских вечеринок, посвящённой, кстати, Дню 8 марта, обе пары выпили несколько больше обычного и утром проснулись, так сказать, вразной: Оля проснулась в постели Д., а Марина – в постели Е. Кто конкретно стал инициатором подобного обмена, или всё произошло стихийно, из-за каких-то глубинных, фрейдовских, подвижек сознания, установить так и не удалось – никто из фигурантов дела так и не смог впоследствии внятно вспомнить, что же произошло в тот роковой вечер. Длительные разборки и взаимные обвинения ни к чему не привели, и наконец, после целой серии скандалов и ссор, на очередной «встрече в верхах» было принято историческое решение: образовавшийся «статус кво» сохранить, более того, закрепить его юридически. Отсутствие в обеих семейных парах детей, безусловно, облегчило принятие такого решения.

Пары подали на развод и вскоре были благополучно разведены. Тут же были сыграны две скромные, но весёлые свадьбы.

Надо отдать должное молодым людям: трагедии из произошедшей истории они не сделали, а поскольку Д. всё-таки был другом Е., а Оля была подругой Марины, то вскоре, когда несколько улеглись эмоции и страсти, дружеские контакты были восстановлены – поначалу межличностные, а затем и междусемейные. Через несколько месяцев ничто, кроме штампов в паспортах, уже не напоминало о произошедшем нелепом казусе.

Моя жена, справившись с удивлением, в конце концов подружилась и с Мариной и теперь уже к ней время от времени забегала за «лаврушкой» и спичками или просто так – по-женски поболтать...

Прошло ещё два года.

Мы с женой к тому времени уже благополучно заменились в Германию, и продолжение этой пикантной истории я услышал от других заменщиков, летом 91-го приехавших из Орловки к нам в Дамгартен.

Опять был праздник, и опять была вечеринка. Только на этот раз посвящённая 23 февраля. И опять супруги Д. и супруги Е. выпили чуть больше обычного, и наутро после вечеринки... Да-да-да, догадливый читатель уже, конечно, догадался – наутро после вечеринки пары опять перепутались: и Оля, и Марина проснулись в постелях своих бывших мужей.

На этот раз – дело-то уже становилось привычным! – скандалов не последовало и смеха уже было больше, чем слёз. Но опять перед парами со всей серьёзностью встал вопрос: а что делать дальше? Решение приняли мудрое: раз подсознание требует – сознание должно исполнять, и пары снова подали на развод. В паспортах супругов появилось ещё по одному штампу.

Как в будущем сложилась бы совместная жизнь двух столь дружных, но непредсказуемых семей, оставаясь они и дальше в Орловке, – неизвестно; во всяком случае, чистых страниц у них в паспортах оставалось ещё предостаточно. Но вскоре – на тот момент уже капитанам – Д. и Е. пришла замена в Западную группу войск, в Германию. А Германия, дорогие мои товарищи, это вам не фунт изюму. Это далеко не Орловка. Там всё по-серьёзному. Там не забалуешь.

В Вюнсдорфе, в штабе армии, куда прибыли Д. и Е., личные дела двух капитанов внимательно изучили, подивились и, почесав в затылке... решили не рисковать и направили их служить в разные, максимально удалённые друг от друга, гарнизоны. Как говорится, от греха подальше...

Что касается следующей истории, то автор уже неоднократно рассказывал её в различных компаниях и, к сожалению, зачастую по окончании повествования слышал в ответ обидное: «Брехня! Быть такого не может! Выдумки!...» Что ж, на первый взгляд история эта действительно может показаться невероятной. Однако

(продолжение на стр. 15).

(начало на стр. 14).

автор напоминает читателю, что события, описываемые в ней, происходили не где-нибудь, а в Орловке, и он, автор, положив руку на компьютерную мышь, готов торжественно поклясться, что всё изложенное им ниже – правда, только правда и ничего, кроме правды!

Историю эту можно начать строчкой песенки, которую в одном очень известном фильме напевал герой Олега Янковского: «Служили два товарища в одном и тем полке...». Причём служили эти два товарища – майор У. и капитан Ш. – не только в «одном полке», но и в одной эскадрилье, и отношения между ними были очень даже приятельскими.

У. и Ш. были людьми серьёзными, степенными, семейными. Майор У. воспитывал двух детей-школьников, у капитана Ш. подрастала трёхлетняя дочь. Жёны двух приятелей, разумеется, были тоже хорошо знакомы между собой и состояли если уж и не близкими подругами, то добрыми приятельницами – это точно. Жена капитана Ш., Людмила, часто забегала к жене майора У., Зинаиде, за советом – Зина была лет на десять её старше и, конечно, гораздо опытнее в вопросах ведения домашнего хозяйства и воспитания детей.

Жизнь текла своим чередом, не предвещая никаких бурь и катаклизмов.

Но не следует забывать, что известный затейник и шутник Господин Случай всегда дежурит за ближайшим углом. И что на этот раз зажато в его занесённой руке – опахало из павлиньих перьев или бейсбольная бита – нам, к сожалению, предугадать не дано.

В той же не шибко весёлой песенке, что поёт всенародно любимый артист, дальше есть слова: «Вот пуля пролетела и ага...». Именно это самое «ага» и произошло в жизни двух дружных орловских семей. Только в нашем случае пролетела не пуля, которая, как известно, дура, а – золотая стрела проказника Амура, которая, как это тоже известно, хоть и гораздо изящнее, но ничуть не умнее вульгарных девяти грамм свинца. Короче, случилось так, что майор У. влюбился в жену капитана Ш.

Майор У. давно уже был не мальчик. Он умел обуздывать свои страсти. Он не стал по-детски тайно подбрасывать цветы под дверь своей возлюбленной или писать мелом на асфальте под её окном: «Люда! Я тебя люблю!!!». Он просто, выбрав подходящий момент, прямо, по-мужски, признался Людмиле в своих чувствах.

Людмила тоже была уже не девочка, она не стала закатывать истерики, падать в обморок или, упаси господи, тайком от мужа бегать к У. на свидания. Она спокойно сказала У., что ценит и уважает его чувства, но сердце её занято другим, и к тому же у неё семья, ребёнок, и поэтому им лучше, как прежде, остаться просто друзьями.

Майор У. хоть, понятное дело, и расстроился, но воспринял отказ своей возлюбленной стоически, сказав, что будет ждать, сколько потребуется, и больше к этой теме уже не возвращался.

В общем, фигуранты истории проявили себя как воистину интеллигентные и цивилизованные люди. Жизнь вновь пошла своим устоявшимся чередом.

Но поскольку Людмила своему мужу о состоявшемся у неё с У. разговоре не сообщила, а майор У. об этом же разговоре своей Зинаиде не сообщил тем более, то между ними, Людмилой и У., возникла некая общая тайна. А как известно, всякая тайна чревата непредсказуемыми последствиями. Образно говоря, она подобна ящику динамита с воткнутым в него, подожжённым и тлеющим фитилём, и что дальше будет с этим фитилём – будет ли он потушен случайным лёгким дождиком или доберётся-таки в конце концов до ящика со взрывчаткой – известно, наверное, только одному Богу, да и то с вероятностью пятьдесят на пятьдесят.

И вот однажды...

Однажды после обеда капитан Ш. уехал на аэродром – он заступал на ночное дежурство. А вечером в его квартире раздался звонок. Людмила открыла дверь – на пороге стоял У.

– Привет! – сказал он. – Пустишь? Разговор есть.

Людмила пожала плечами, но позднего визитёрапустила. Прошли на кухню – в комнате спала дочка. Хозяйка поставила на стол варенья-печенья, разлила по чашкам чай, села напротив и вопросительно посмотрела на гостя.

– Люда... – медленно начал У., помешивая ложечкой чай и сосредоточенно глядя в чашку. – У меня к тебе есть один очень важный вопрос... – он замолчал, потом вытащил ложечку из чашки, аккуратно положил её на блюдечко и наконец поднял на Людмилу глаза. – Вот скажи... Ты можешь мне сегодня отжаться?

Хозяйка чуть не поперхнулась своим чаем.

– Миша, ты что?!.. Офонарел?! – возмутилась Людмила. – Ты вообще думаешь, что ты говоришь?!

– Думаю, – спокойно сказал У. – Я думаю. Но я не услышал ответа. Так что?

– Ты что, дурак?! – продолжала кипятиться Людмила. – Конечно нет! Вот же выдумал!.. И вообще, ты знаешь, по-моему, тебе лучше уйти!

– Значит, нет, – кивнул У. – Хорошо, ладно, скорректируем вопрос... – он достал из кармана и аккуратно разложил на столе десять красненьких купюр с ликом вождя международного пролетариата. – А за сто рублей?

(продолжение на стр. 16).

(начало на стр. 14-15).

(Напомню, в те времена это была зарплата инженера. Килограмм «Докторской» колбасы стоил тогда два рубля двадцать копеек, а шикарные югославские женские сапоги – сто двадцать целковых).

Лицо хозяйки дома пошло пятнами.

– Слушай! – зашипела она. – Ты чего сюда припёрся?! Ты за кого меня принимаешь?! Ну-ка, давай, вали отсюда, сутенёр хренов! Или тебе кипятком в морду плеснуть?!..

– Спокойно! – сказал У. – Спокойно! Ты не дослушала... – он достал из другого кармана ещё денег и добавил их к лежащим на столе. – А за триста?

Людмила со стуком поставила чашку на стол.

– Миша! – недоумённо сказала она. – Это что, розыгрыш какой-то?! Это вы что, так теперь шутите?!.. Слушай, Миша, у меня сегодня день такой суматошный был – голова ничего не соображает! И с юмором у меня сейчас напряжёнка... Так что шёл бы ты лучше домой, а? К своей Зине!

– Никаких шуток и никакого розыгрыша, – спокойно сказал У. – Я тебе говорил – я тебя люблю. Подожди, не перебивай!.. Я тебя люблю и я тебя хочу. Я ночами не сплю – мечтаю о тебе, о твоём теле. Но поскольку обычными средствами я добиться тебя не могу, то, может быть... я смогу твою любовь купить. Подожди, я прошу, не перебивай меня!.. Может быть, я получу если уж не всю тебя, то хотя бы твоё тело... В этом нет ничего пошлого! Ведь от тебя не убудет, а я... А я хоть немного утешусь... А деньги, деньги – это так. Это просто в знак благодарности... И опять же, они вам не лишние будут. Серёга вон говорил – вы на цветной телевизор копите... И не бойся! Никто ничего не узнает! Только я и ты! Всё между нами... Вот смотри... – он выгреб из кармана остатки денег. – Здесь четыреста девяносто рублей... И вот ещё мелочь... И это не шутка. Я тебе **ДЕЙСТВИТЕЛЬНО** предлагаю за ночь со мной всю эту кучу денег. И даже не за ночь, а просто за... Прости, я бы и больше дал, мне для тебя ничего не жалко, но это, к сожалению, всё, что у меня сейчас есть.

– Миша! – жалобно сказала Людмила. – Ты с ума сошёл! Ты... Такие деньги! И за что?!.. Ну, подумай, у тебя же семья! Дети! Ты же всё это от детей своих отрываешь!

– Мои дети – это мои дети, – спокойно парировал У. – Что со своими детьми хочу, то и делаю... Не волнуйся, моим детям хватит. Голодными не останутся... Ну, так что?

Людмила, не отрываясь, смотрела на заваленный деньгами стол.

У. терпеливо ждал.

– Ладно! – наконец сказала Людмила. – Чёрт с тобой!.. – она встала и решительно сгрэбла деньги со скатерти. – Иди в спальню, Рокфеллер. Я сейчас – только гляну, как там дочка...

Утром с дежурства вернулся капитан Ш.

– Мишка вчера заходил? – с порога спросил он жену.

Та слегка напряглась.

– Заходил...

– Деньги принёс?

– Ка... какие деньги?

– Ну, получку мою! Я с ним вчера свою получку передал. Когда на дежурство ехал, заскочил в штаб – получил. А Мишку попросил к тебе зайти, отдать. Я ведь как раз его на дежурстве менял... Представляешь? Целую кучу денег вчера дали! Четыреста девяносто рублей! За боевое дежурство начислили и ещё командировочные за Галёнки. Теперь нам на цветной телевизор точно хватит!.. Ты что, Люд? Что с тобой?!

Но Людмила уже ничего не слышала. Она всё поняла! Оказывается, она вчера отдалась Мишке за получку собственного мужа! Людмила вцепилась себе в волосы и, пошатнувшись, прислонилась к стене.

Истощенный женский вой потряс квартиру!..

История эта получила огласку. Да и как ей было не получить, когда после разговора с капитаном Ш. майор У. угодил в госпиталь.

В дело вмешалась парторганизация. Взвесив все «за» и «против», коммунисты вынесли капитану Ш. строгий выговор за рукоприкладство, а майора У. за аморальное поведение исключили из партии. Поскольку в те времена лётчик не мог быть беспартийным, то майора У. с лётной работы сняли и отправили на командный пункт – офицером боевого управления.

Но на этом беды майора У. не закончились. Узнав о мужней неверности, Зинаида быстро собрала вещи и, забрав детей, уехала к своим родителям на «большую землю», в Смоленск. Где и подала на развод.

А капитан Ш. свою жену простил. И понять его вполне можно. Ведь тут как? С одной стороны, – семья, ребёнок. Опять же, любовь. И с другой стороны. Действительно, ну, не за себя же радела бедная женщина, не для себя же старалась – ведь всё в дом, всё в дом...

Вот такие удивительные истории приключались с семейными парами в Орловке.

Но согласись, уважаемый читатель, что семья – это не только муж и жена, и разговор о семье был бы неполным без упоминания...

(продолжение следует).